

Региональная экономика

Научная статья

УДК 332.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2023.3/11390>

JEL: R10

Вектор развития территорий в условиях новой реальности (на примере моногородов Челябинской области)

О. В. Артемова^{1✉}, Н. М. Логачева²

^{1,2} Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, ул. Свободы, 155/1,
454091, Челябинск, Российская Федерация

Предмет. Внимание авторов было сфокусировано на процессах трансформации модели монофункционального муниципального образования (главной чертой которого является отраслевая моноспециализация) в полифункциональное муниципальное образование как в отношении его производственной специализации, так и применительно к непроизводственной и социальной сферам. На основе этого концепта, по мнению авторов, происходит смена парадигмы развития моногорода от модели «город-завод» (с ограниченным функционалом моногородов) к модели «город для человека» (с расширенным набором функций, прежде всего социальных).

Цель исследования состоит в выявлении новых возможностей и перспектив развития моногородов на основе использования многофункциональной модели функционирования монопрофильных муниципальных образований региона.

Методология. Для выявления проблемного поля, на котором фокусируются авторы, проведен анализ научных источников по тематике моногородов. В результате акцент был сделан на анализе особенностей и рисков функционирования моногородов в условиях ограниченности их функций (в производственной и социальной сферах, на локальном рынке труда). Для этого проведена группировка моногородов: по численности населения (малые, средние, большие, крупные города); по социально-экономическому положению (кризисные, в зоне риска, стабильные); по сфере деятельности градообразующего предприятия; по качеству городской среды. Группировка осуществлялась для выявления социально-экономической ситуации в моногородах Челябинской области, их сравнительного анализа. Проведено позиционирование моногородов в координатах: «статус городов по численности населения – их социально-экономическое положение»; «статус городов по численности населения – качество городской среды».

Выводы. На основании проведенного анализа социально-экономического положения моногородов Челябинской области авторы делают вывод о том, что моногорода региона находятся на разных уровнях социально-экономического развития. Это обусловлено их разным экономическим потенциалом, социально-экономическим положением (стабильное, в зоне риска, кризисное), статусом городов по численности населения и другими факторами. Авторы полагают, что новый подход (использование концепта функциональности) позволит в методологическом аспекте дополнить и уточнить функционал моногородов, сформулировать понимание образа будущего города; в управленческом плане – использовать возможности развития моногородов на основе достижения их полифункциональности.

Ключевые слова: моногород, муниципальное образование, градообразующее предприятие, отраслевая специализация, моноспециализация, монофункциональность, полифункциональность.

Для цитирования: Артемова, О. В., Логачева, Н. М. (2023). Вектор развития территорий в условиях новой реальности (на примере моногородов Челябинской области). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление.* (3), 46–62. DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2023.3/11390>

Введение

В статье на основе анализа научной литературы выявлены основные темы исследований данной предметной области и проблемы, связанные с функционированием моногородов в региональном пространстве. Среди них: эволюция развития моногородов; проблемы методологического характера; вопросы о принципах взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с городским сообществом и градообразующим предприятием и др. Исследования по перечисленным вопросам ведутся длительное время и отличаются широтой анализа и глубиной погружения в тему моногородов.

В то же время есть области исследования, которые актуализируются в связи с постановкой новых целей и задач развития моногородов в условиях новой реальности. В этом контексте внимание авторов было сосредоточено на процессах трансформации монофункционального муниципального образования (главной чертой которого является отраслевая моноспециализация) в полифункциональное муниципальное образование как в отношении его производственной специализации, локального рынка труда, так и применительно к непродуцированной и социальной сферам. При этом авторы в своем исследовании используют понятие «город-функция» для разработки концепта функциональности (набор функций, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения) применительно к развитию моногородов в современных условиях. По мнению авторов, это сопровождается сменой парадигмы развития моногорода (МГ) от модели «город-завод» (с ограниченным функционалом муниципального образования) к модели «город для человека» (с расширенным набором функций муниципальных образований, прежде всего в социальной сфере). При этом важно понимание образа будущего города как многофункционального города, обеспечивающего высокие стандарты жизни населения. Также мы исходили из того, что моногорода встроены в

каркас субъекта РФ (расселенческий, производственный и др.), поэтому вопрос их будущего неразрывно связан с тесным и эффективным внутрирегиональным (межмуниципальным) взаимодействием и развитием регионального пространства (Артемова & Ужegov, 2021).

Несмотря на множество научных трудов по проблемам моногородов, актуальность этой темы не снижается. В условиях новой реальности востребованность таких исследований определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, значимостью моногородов по их экономическому потенциалу, вкладу в ВРП, численности проживающего в них населения. В настоящее время в РФ насчитывается 321 моногород с численностью населения более 12,7 млн чел. Во-вторых, необходимостью решения проблем муниципального образования (МО): экономического, демографического, социального характера. В-третьих, усилением рисков в связи с турбулентностью внешней среды, глобальными вызовами, беспрецедентным секционным давлением со стороны недружественных стран, что определяет содержание новой реальности. В таких условиях требуется решение вопросов по обеспечению безопасности на территории всей страны. В-четвертых, необходимостью решения ряда теоретико-методологических проблем, разработки теоретических концептов, наиболее адекватно отражающих новую реальность в регионе и муниципальных образованиях, что позволит принимать правильные управленческие решения в интересах стейкхолдеров МО.

Проведенный анализ научных источников позволил определить основные вопросы и проблемы, которые рассматриваются в рамках данной темы. Вопросы сгруппированы по нескольким аспектам исследования.

1. *Вопросы эволюции: возникновение, развитие и функционирование моногородов в современных условиях.* Исторический аспект исследования моногородов достаточно полно представлен в научной литературе (Ускова

и др., 2012; Фомин и др., 2020). Ряд исследователей отмечают четыре волны создания монофункциональных городов от их возникновения (XI в.) до сегодняшнего времени. Начало четвертой волны развития монофункциональных городов исследователи относят к 1950-м гг. (Ускова и др., 2012). В СССР в условиях плановой экономики внимание фокусировалось на размещении производительных сил по территориальному признаку, при этом основой были территориально-производственные комплексы, которые получили масштабное практическое применение по всему Советскому Союзу (Кулай, 2019).

Отличительной чертой моногородов в Советском Союзе стала неразрывность населенного пункта и градообразующего предприятия, реализующего не только экономические, но и социальные функции, обеспечивающее условия жизнедеятельности населения (Ускова и др., 2012). В 2000-х гг. внимание к исследованию моногородов усилилось в связи с развитием рыночных конкурентных отношений между территориями, поиском эффективных механизмов государственного и муниципального управления (Бартош & Малышев, 2017). При этом многие традиционные социальные функции градообразующих предприятий были существенно сокращены, а некоторые утрачены.

Зарубежные исследования по данной тематике появились раньше, чем в России (Бартош & Малышев, 2017), в них термин «моногород», как правило, был связан с отраслевой моноспециализацией, поэтому использовались такие определения, как *mining town* – город, специализирующийся на добыче полезных ископаемых (Leadbeater, 2004); *coal town* – употребляется в отношении городов, специализирующихся на добыче угля (Rabenold-Finsel, 2004); *railroad town* – используется для городов, где градообразующей отраслью выступает железная дорога (Floyd & Allen, 2002) и др.

Следует отметить, что эволюция моногородов сопровождалась трансформацией их производственных и социальных функций: утратой одних, сохранением других, возникновением третьих.

2. *Вопросы теоретического характера, уточнение используемых категорий.* Известно, что исследовательский процесс включает процедуру уточнения категориального аппа-

рата и используемых категорий в конкретной предметной области. Следует отметить, что анализ по теме моногородов показал различие в вопросах дефиниций, например таких понятий, как «моногород», «монопрофильное муниципальное образование» (Анимидца и др., 2010), «монофункциональный город» (Лаппо & Полян, 1998; Тургель, 2010) «монопрофильное поселение» (Растворцева & Манаева, 2022). Следует согласиться с учеными, которые признают, что до сих пор нет четкого общепризнанного определения этих терминов. Так, отмечается, что современное понимание раскрывает широкий диапазон близких по значению категорий в научных трудах (Кулай, 2019). Считается, что более универсальным является определение «монофункциональный город (территория)», который характеризуется ограниченным числом внешних городских функций, низкой диверсификацией структур экономики и занятости, реализацией городских внешних функций ограниченным числом предприятий (Тургель, 2010).

Обоснованно уточнение С. Н. Растворцевой и И. В. Манаевой, которые отмечают, что применять термин «моногород» не совсем точно, так как данный термин используется только для населенных пунктов, которые имеют официальный городской статус, при этом не учитываются населенные пункты, жители которых связаны с другими видами деятельности. В этом случае, по их мнению, следует применять термин «монопрофильное поселение» (Растворцева & Манаева, 2022).

Из вышеизложенного следует, что близкие по содержанию понятия, связанные с исследованием моногородов, определяются по-разному в зависимости от контекста и отличительных признаков МО, на которых фокусируются авторы. Так, в данной статье мы в основном придерживаемся определения моногорода как монофункционального МО в контексте исследования его функций.

3. *Критерии отнесения муниципальных образований к монопрофильным.* Моногородами признаются городские муниципальные образования с численностью жителей не менее 3 тыс. чел., с монопрофильной экономикой, где расположено градообразующее предприятие, на котором занята значительная часть работающего населения города. Критерий отнесения муниципальных образований к моногородам установлен распоряжением Правительства РФ

от 29 июля 2014 г.¹ При анализе критериев отнесения МО к моногородам исследователи отмечают такие признаки, как ограниченное количество внешних городских функций; низкий уровень диверсификации структуры городской экономики; низкий уровень диверсификации структуры занятости; внешние функции города реализует ограниченное число предприятий (Оруч, 2017).

4. *Связь монопрофильных муниципальных образований с градообразующим предприятием.* Практически во всех исследованиях отмечается связь функционирования моногородов с деятельностью градообразующего предприятия² (ГОП), понятие которого определено в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ст. 169) (Анимича и др., 2010; Гранберг, 2001; Ильина, 2013; Липсица, 2000; Фомин и др., 2020).

Е. Г. Анимича и коллеги видят существенную связь между деятельностью крупного предприятия и социально-экономическим состоянием городского поселения, на территории которого оно расположено (Анимича и др., 2010). М. В. Фомин с соавторами отмечают, что моногорода генетически связаны с развитием своих градообразующих предприятий (Фомин и др., 2020). И. В. Манаева определяет моногород как населенный пункт, имеющий статус города и функционирующий на базе градообразующего предприятия, от финансового состояния которого зависит социально-экономическое развитие города в целом (Манаева, 2018).

Т. А. Оруч подчеркивает особую роль градообразующих предприятий, их высокую социальную ответственность, поскольку они обеспечивают занятость населения, формируют доходы большинства семей, содержат объекты социально-культурной сферы, жилищно-коммунального хозяйства, формируют бюджет города (Оруч, 2017).

5. *Особенности управления моногородами.* Вопросы управления моногородами широко представлены в научной литературе (Кутергина & Лапин, 2015; Оруч, 2017; Плисецкий &

Малицкая, 2017; Троянская & Тюрина, 2019; Ускова и др., 2012). Достаточно упомянуть такие темы, как управленческие аспекты стратегического планирования в муниципальных образованиях (Антипин & Власова, 2022); управление экономическим развитием моногорода (Лукишин & Ягин, 2018); программно-целевое управление для развития моногородов (Кутергина & Лапин, 2015). Кроме того, отмечается, что при формировании системы управления социально-экономическим развитием моногорода наряду с системным, программно-целевым, инновационным и логистическим подходами используется территориально-отраслевой подход (Оруч, 2017).

Отмеченные выше актуальные вопросы и проблемы развития моногородов позволяют определить проблемное поле и область исследования, на которых сфокусировано внимание авторов статьи – это исследование и трансформация функционала города в условиях новой реальности. В связи с этим определены: **объект исследования** – монофункциональные муниципальные образования, функционирующие в региональном пространстве; **предмет исследования** – функции муниципальных образований и их трансформация в новых условиях в целях развития моногородов в региональном пространстве. **Цель** состоит в выявлении новых возможностей развития моногородов на основе использования многофункциональной модели городского развития.

Трансформация модели моногорода и формирование образа будущего

Многие авторы в своих исследованиях используют понятия «город-функция», «функции города», «монофункциональный город» (Гранберг, 2001; Кулай, 2019; Лаппо & Полян, 1998; Тургель, 2010). Используемое в отношении моногородов понятие монофункциональности вполне оправдано с позиций фиксирования ограниченных функций, которые они выполняют в основном в производственной сфере. В то же время представление процессов развития моногородов в новых условиях исключительно на основе их монофункциональности и в привязке к деятельности градообразующего предприятия задает необоснованно жесткие рамки для формирования образа будущего города. Отсутствие более широкого и перспективного видения будущего города затрудняет эффективную реализацию его экономического и

¹ О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) (с изм. на 21.01.2020) : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210942> (дата обращения: 01.03.2023).

² О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

социального потенциала, не позволяя использовать все возможности для развития территории. Учитывая это, авторы статьи исходят из необходимости и возможности трансформации моногородов в полифункциональные муниципальные образования. Для этого крайне важно понимание и определение властью, бизнесом и городским сообществом образа будущего города как многофункционального города с тесными межмуниципальными связями. Мы разделяем мнение ученых о том, что принцип коллективного формирования образа будущего рассматривается как возможное направления его развития. При этом образы города могут меняться в общественном сознании в зависимости от появления новых возможностей и новых потребностей (Бочко & Захарчук, 2020).

Итак, на основе проведенного анализа научной литературы по тематике моногородов авторы пришли к выводу о том, что универсальных по содержанию категорий для исследования МО, отнесенных к моногородам, нет. Представляется, что использование тех или иных сходных понятий по отношению к моногородам (монопрофильный, монофункциональный, моноотраслевой, моноструктурный, монопромышленный и др.) не следует распространять на все аспекты функционирования МО. Об этом упоминают А. А. Бартош и Е. А. Малышев, которые отмечают, что каждое из приведенных понятий обладает своей спецификой, что ограничивает их синонимическое применение (Бартош & Малышев, 2017), с чем, безусловно, мы согласны.

Кроме того, названные понятия несут разную содержательную нагрузку, что необходимо учитывать при применении терминологии в исследованиях городской и региональной экономики (Бартош & Малышев, 2017; Тургель, 2010). В данной статье авторы исследуют моногорода на предмет их функциональности.

Исторический путь моногородов показывает, что в процессе развития функции городов менялись качественно, количественно, структурно. Одни функции утрачивались, ряд других функций сохранялся, появлялись новые функции. Эволюция модели «город-завод» в советский период и в период рыночной трансформации российской экономики до настоящего времени прошла несколько этапов. Если в советский период градообразующее предприятие (находящееся в государственной собственности) брало на себя значительные

социальные функции и содержало объекты социальной инфраструктуры (здравоохранение, культуру, дополнительное образование, детские сады, спорт и др.), то в период рыночной трансформации, сопровождающийся тотальной приватизацией производственных и непроизводственных объектов, предприятия освобождались от объектов социальной инфраструктуры (непрофильных активов), перепрофилировали их под другие функции, и только у некоторых объектов была сохранена социальная направленность.

Таким образом, в процессе трансформации модели «город-завод» в модель «город для человека» многие производственные и социальные функции города трансформировались; при этом, как правило, социальные функции по объему и структуре перераспределялись между органами власти, местного самоуправления и ГОП. Большую часть социальных функций и гарантий брали на себя государство и МО, а градообразующие предприятия, как негосударственные структуры, минимизировали свои непрофильные активы и сокращали предоставление социальных услуг своим работникам и частично гражданам города.

Отметим, что жесткая привязка жизнедеятельности города к градообразующему предприятию в части решения большинства или многих социальных проблем городского населения сегодня не является абсолютной. Кроме того, надо понимать, что численность работающих на градообразующих предприятиях составляет около 20 % (а в некоторых МО значительно меньше), следовательно, за пределами этих «нормативов» остается значительное число жителей и работающего населения, которые должны быть в полной мере обеспечены социальными услугами, и ответственность за это обеспечение несут органы власти и местного самоуправления.

Отсюда следует вывод о том, что выбор стратегического направления социально-экономического развития моногородов в региональном пространстве должен осуществляться на основе консенсуса органов власти и местного самоуправления, бизнеса и населения. Но решающую роль в предоставлении социальных услуг с использованием объектов социальной инфраструктуры должны играть органы власти и местного самоуправления территории.

Следует согласиться с аналитиками в том, что в последние годы произошло общее сни-

жение зависимости монопрофильных муниципальных образований от градообразующих организаций. На это повлияли государственная политика по диверсификации рынка труда моногородов, сокращение занятости на самих градообразующих организациях. В то же время градообразующие предприятия, как крупнейшие акторы на рынке труда, все еще определяют динамику и стабильность общей социально-экономической ситуации в большинстве моногородов страны³.

Исходя из вышеизложенного, зафиксировав следующее: традиционное представление о монофункциональном городе связано с его особенностями и ограниченным набором

³ Риски 2022: градообразующие организации и моногорода // Фонд «Центр стратегических разработок» (ЦСР). URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/14c/k88t2bqe-vutbs7f8bl3v06htho0s37jg.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

функций города в различных аспектах жизнедеятельности (табл. 1).

Ограниченность функциональности моногородов несет в себе социальные риски в части ограничения набора и доступности социальных услуг для населения. В этом контексте исследователи уточняют, что специфика моногородов по сравнению с городами с полифункциональной экономикой в большей степени зависит от изменений внешней среды (ситуации в отрасли, конъюнктуры внешних рынков, колебаний спроса на продукцию и др.) (Оруч, 2017). Достижение полифункциональности моногородов возможно при развитии их внутрирегионального и межрегионального сотрудничества, и прежде всего в рамках агломерационных процессов. Следует также согласиться с авторами, которые отмечают, что назрела необходимость сконцентриро-

Т а б л и ц а 1

Особенности и риски функционирования монофункционального города [составлено автором]

Функции моногородов	Особенности моногородов	Риски функционирования моногородов
В сфере производства	Монопрофильная отраслевая специализация	Зависимость от ситуации в базовой отрасли, одностороннее развитие
	Наличие, как правило, одного ГОП, ограниченное число других предприятий, в том числе МСБ	Риск нестабильности / банкротства ГОП, ограниченные сферы деятельности МСБ
	Ориентация на один или схожие рынки (региональные, национальные, мировые)	Зависимость от конъюнктуры рынка, значительные колебания рыночной конъюнктуры в условиях новой реальности, особенно в сырьевых и металлургических отраслях
	Моноструктурность экономики	Деформированная структура городской экономики
	Экспортная зависимость, усилившаяся в связи со значительными внешними вызовами	Попадание градообразующих предприятий в отраслевые санкционные списки недружественных стран, экспортные ограничения из-за контрсанкций РФ, введенных против недружественных стран
	Импортная зависимость, усилившаяся в связи со значительными внешними вызовами	Остановка производства из-за отсутствия материалов, полуфабрикатов, комплектующих, ранее импортируемых из недружественных стран
В социально-экономической сфере	Ограниченный набор профессиональных компетенций трудоспособного населения в связи с моноспециализацией муниципальной экономики	Снижение возможностей альтернативной занятости населения, отток специалистов в другие МО и регионы
	Формирование доходов местного бюджета, населения (зарботная плата) в зависимости от деятельности ГОП	Зависимость от степени эффективности и стабильности ГОП: падение объемов производства ГОП – снижение поступлений в бюджеты, снижение заработной платы работников
	Ограниченность количества объектов социальной инфраструктуры и доступности социальных услуг	Неравенство населения в отношении количества, качества и доступности услуг социальной сферы (ценовой, объектной, транспортной, цифровой)

ваться на поиске механизмов, гарантирующих интеграцию моногородов в единое рыночное пространство при сохранении особого отношения к специфике социально-экономического развития на этих территориях (Артемова & Ужegov, 2021; Зубаревич, 2010; Колесникова и др., 2007; Ускова и др., 2012).

Данные и методы

Изложенные подходы авторов к исследованию моногородов были апробированы на примере моногородов Челябинской области. Информационная база в исследовании моногородов Челябинской области была представлена нормативными документами разных уровней, информацией Росстата, муниципальной статистики, данными рейтинговых агентств, аналитическими докладами по вопросам функционирования моногородов в РФ.

В исследовании использовались следующие методические подходы и инструментарий: анализ научной литературы и аналитических материалов по теме моногородов; систематизация наиболее часто упоминающихся проблем моногородов; уточнение ключевых категорий и адекватности их применения в конкретном контексте.

При исследовании моногородов Челябинской области проводилась их группировка: а) по численности населения (малые, средние, большие, крупные города); б) по социально-экономическому положению (кризисные, в зоне риска, стабильные); в) по сфере деятельности ГОП; д) по качеству городской среды. Группировка осуществлялась для выявления социально-экономической ситуации в моногородах Челябинской области, их функциональности в отношении локального рынка труда, производственной и социальной сфер.

Кроме того, проводилось позиционирование моногородов в координатах: а) статус городов по численности населения – социально-экономическое положение моногородов; б) статус городов по численности населения – качество городской среды.

Результаты

В Челябинской области 16 моногородов с численностью населения 1130 тыс. чел, что составляет 32,3 % численности региона, при этом 7 моногородов находятся в кризисной зоне, 5 – в зоне риска, 4 – в зоне стабильности. Доля моногородов в ВРП Челябинской области

составляет около 30 %. Характеристика моногородов региона представлена в табл. 2.

В табл. 2 приведена информация, позволяющая составить характеристику моногородов Челябинской области. Для нас важно отметить ключевые моменты.

1. Ситуация по социально-экономическому положению МГ следующая: в группе кризисных находятся 7 муниципальных образований с населением 125,8 тыс. чел. (11,4 % от общей численности населения моногородов региона); в зоне риска – 5 муниципальных образований с населением 407,5 тыс. чел. (36,7 %); стабильное социально-экономическое положение имеют 4 муниципальных образования с населением 575,9 тыс. чел. (51,9 %).

2. По отраслевой специализации, связанной с деятельностью ГОП, муниципальные образования распределились так: в семи МО градообразующие предприятия относятся к металлургической отрасли, среди которых – крупнейший металлургический комбинат ММК; в пяти МО (одно из них – ЗАТО) градообразующие предприятия относятся к машиностроительной отрасли; в двух МО градообразующие предприятия работают в добывающей промышленности; в одном МО (ЗАТО) градообразующее предприятие относится к атомной отрасли; в другом МО (ЗАТО) специализируется в научной сфере.

Отметим, что в настоящее время наибольшие риски от санкционной деятельности (по состоянию на июнь 2022 г.) проявились в металлургии, а также в транспортном и специальном машиностроении⁴.

Три муниципальных образования в регионе имеют статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) с особым режимом функционирования. Это Озерск, где находится химкомбинат «Маяк» (атомная промышленность), Снежинск (разработка ядерных боеприпасов), Трехгорный, где функционирует приборостроительный завод Росатома (разработка ядерных боеприпасов).

3. Данные о среднесписочной численности работников всех организаций в моногородах следующие. В кризисном сегменте находятся города с численностью работающих, не превышающей 10 тыс. чел.; в зоне риска численность работающих составляет от 3,3 до 51,1 тыс. чел.; в стабиль-

⁴ Риски 2022: градообразующие организации и моногорода // Фонд «Центр стратегических разработок» (ЦСР). URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/14c/k88t2bqevutbs7f8bl3v06htho0s37jg.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

*Моногорода, входящие в состав Челябинской области,
сгруппированные по уровню социально-экономического положения*

Муниципальные образования (моногорода), статус ТОСЭР, ЗАТО	Градообразующие предприятия, их отраслевая специализация	Среднесписочная численность работающих всех организаций, чел.
Усть-Катавский городской округ (г. Усть-Катав)	«Усть-Катавский вагоностроительный завод имени С. М. Кирова», машиностроение	6970
Карабашский городской округ (г. Карабаш)	ЗАО «Карабашмедь», металлургия	3123
Нязепетровский муниципальный район (г. Нязепетровск)	Нязепетровский филиал ООО «Литейномеханический завод», металлургия	2423
Ашинский муниципальный район (г. Аша)	ОАО «Ашинский металлургический завод», металлургия	9898
Ашинский муниципальный район (г. Миньяр)	ОАО «Миньярский карьер», ООО «Биянковский щебеночный завод», добывающая	1387
Верхнеуфалейский городской округ (г. Верхний Уфалей), ТОСЭР	ОАО «Уфалейникель», металлургия	6146
Саткинский муниципальный район (г. Бакал), ТОСЭР	ООО «Бакальское рудоуправление», добывающая	2828
Ашинский муниципальный район (г. Сим)	ПАО «Агрегат», машиностроение	3349
Саткинский муниципальный район (г. Сатка)	Комбинат «Магнезит», металлургия	16 016
Миасский городской округ (г. Миасс), ТОСЭР	Автомобильный завод «УРАЛ», машиностроение	51 089
Златоустовский городской округ (г. Златоуст)	ОАО «Златоустовский машиностроительный завод», машиностроение	35 604
Чибаркульский городской округ (г. Чибаркуль)	ОАО «Уральская кузница», металлургия	11 200
Озерский городской округ (г. Озерск), ЗАТО, ТОСЭР	Производственное объединение «Маяк», ОПК, атомная промышленность	28 522
Трехгорный городской округ (г. Трехгорный), ЗАТО	ФГУП «Приборостроительный завод», ОПК, машиностроение	11 796
Снежинский городской округ (г. Снежинск), ЗАТО, ТОСЭР	ФГУП «Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики», наука	19 198
Магнитогорский городской округ (г. Магнитогорск)	ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», металлургия	132 704

Примечание. Составлено авторами на основе следующих данных: О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р (с изм. на 21.01.2020). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210942> (дата обращения: 01.03.2023); Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 01.03.2023).

ной зоне – от 11,8 до 132,7 тыс. чел. Интересно было проанализировать долю работающих на градообразующих предприятиях моногородов. К сожалению, поиск такой статистики оказался весьма затруднительным, а в КИПах и паспортах МГ актуальные данные не представлены. Поиск информации по занятым на ГОП в других источниках (стратегии МГ, сайты МО) показал, что эта доля значительно различается по городам: к примеру, в Златоусте она составляет около 5 % от экономически активного населения, в Симе – около 38 %. Что касается доли градообразующего предприятия в общем объеме отгруженной продукции, то поиск информации этого показателя также затруднен, но, учитывая статус МО как монопрофильных, отметим, что доля одной отрасли (моноспециализации) составляет более 50 % общего производства.

Эти данные характеризуют ситуацию в моногородах с позиций: а) монофункциональности (монопрофильности) на рынке труда (доля занятых на градообразующем предприятии в общей численности трудоспособного населения МО); б) монофункциональности (монопрофильности), связанной с отраслевой специализацией в реальном секторе экономики (главным образом с моноспециализацией ГОП).

И в том, и другом случаях монопрофильность связана с рисками как на локальном рынке труда, так и в производственной сфере. Исследователи отмечают, что если доля работающих на градообразующем предприятии превышает половину занятых в реальном секторе экономики поселения, то доходы работников доминируют в платежеспособном спросе, определяя тем самым объем услуг населению (Фомин и др., 2020). Отсюда следует, что неблагоприятные изменения в деятельности ГОП приводит к нестабильности на локальном рынке труда и колебаниям спроса на товары и услуги.

Что касается монофункциональности в производственной сфере, то она ограничивает возможности для других видов деятельности (в бюджетной сфере, сфере МСБ и др.) и несет все риски, связанные с дестабилизацией ГОП и слабой диверсификацией муниципальной экономики.

4. Для стабилизации и развития моногородов предусмотрены такие институты и механизмы, как территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), агломерационные объединения.

ТОСЭР⁵ создано для привлечения резидентов, инвестирующих в территорию с льготным налогообложением, что обеспечивает создание новых рабочих мест, развитие муниципальной экономики и социальной сферы МО, модернизацию городской среды. ТОСЭР создается на длительный срок – 70 лет. Для каждой ТОСЭР устанавливается свой перечень видов экономической деятельности, способствующих диверсификации экономики, действует особый правовой режим, устанавливается объем капитальных вложений. Функции регулятора ТОСЭР осуществляет управляющая компания: создает инфраструктуру, обеспечивает предоставление резидентам консультационных, таможенных, юридических и других услуг, подключение к инженерным сетям (Фомин и др., 2020). В настоящее время на территории Челябинской области пять муниципальных образований имеют статус ТОСЭР. Их потенциал до сих пор не вполне задействован.

Развитие межмуниципальных связей и расширение возможностей по социально-экономическому развитию обеспечивается за счет вхождения муниципальных образований в агломерации, которые обеспечивают связанность территорий, расширение функциональности городов в части предоставления расширенного набора социальных услуг и обеспечения их большей доступности. В Челябинской области созданы несколько агломерационных объединений, в которые входят моногорода. В агломерацию «Горный Урал» входят: Усть-Катавский городской округ, Карабашский городской округ, Ашинское городское поселение, Миныйское городское поселение, Бакальское городское поселение, Симское городское поселение, Саткинское городское поселение, Миасский городской округ, Златоустовский городской округ, Чебаркульский городской округ, Трехгорный городской округ. В Северную конурбацию входят: Нязепетровское городское поселение, Верхнеуфалейский городской округ, Озерский городской округ, Снежинский городской округ. Магнитогорская межрегиональная агломерация представлена Магнитогорским городским округом, Агаповским, Верхнеуральским, Кизильским, Нагайбакским муниципальными районами.

⁵ О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) (с изм. на 21.01.2020) : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210942> (дата обращения: 01.03.2023).

Территориальная локализация моногородов в регионе представлена на рис. 1.

Согласно предложенному алгоритму исследования мы использовали группировку моногородов по численности населения, при этом исходили из того, что в крупных городах сконцентрировано больше различных функций, что предполагает более быстрый рост и

развитие таких территорий за счет имеющегося экономического потенциала, большую обеспеченность и доступность услуг социальной сферы населению.

В исследовании было проведено позиционирование моногородов по критериям: статус городов по численности населения – социально-экономическое положение моногородов.

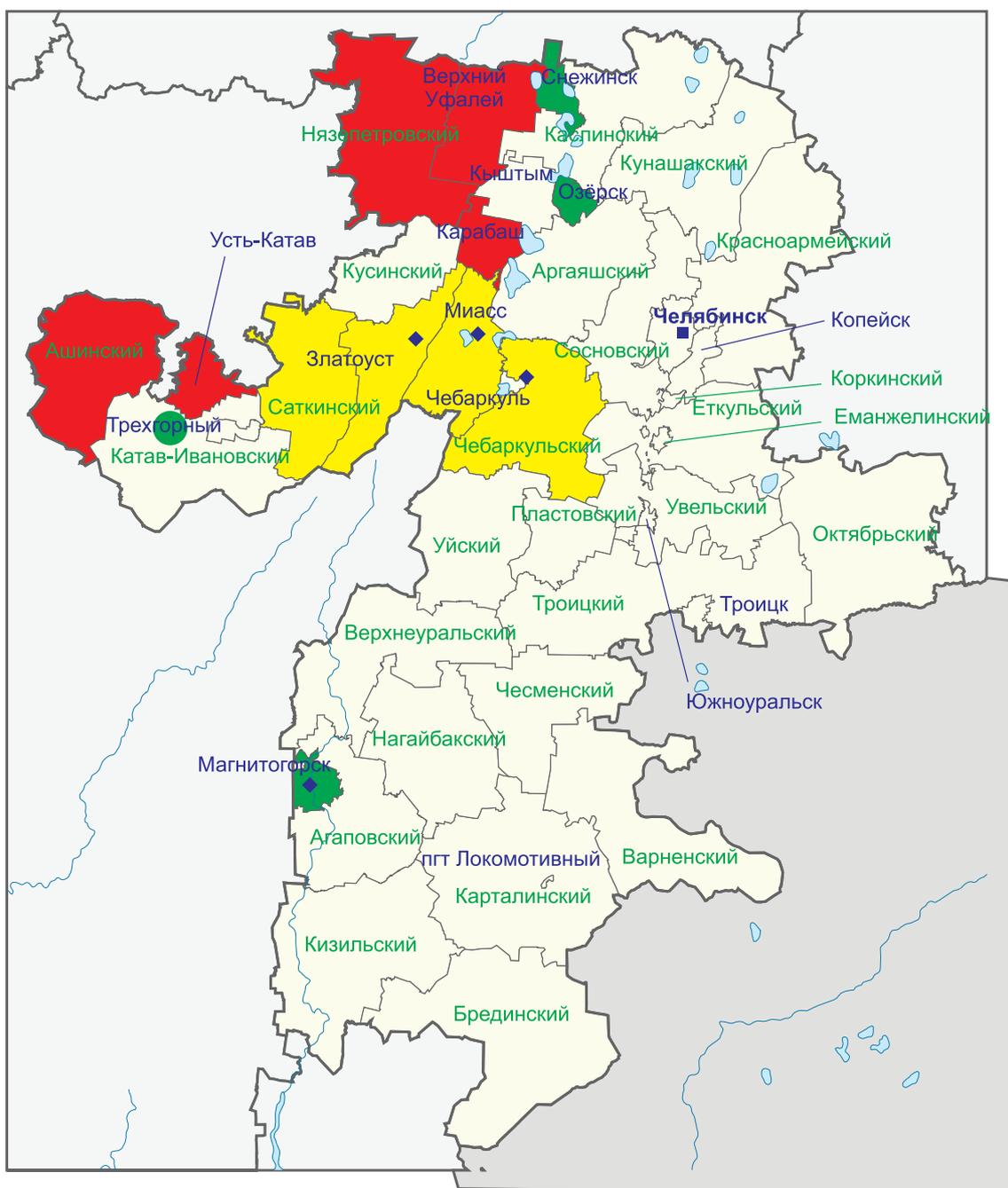

Рис. 1. Территориальная локализация моногородов Челябинской области с учетом их социально-экономического положения (красным цветом выделены кризисные МО (наиболее сложное социально-экономическое положение); желтым цветом выделены МО, находящиеся в зоне риска (ухудшение социально-экономического положения); зеленым цветом выделены МО со стабильным социально-экономическим положением)

Численность населения моногородов Челябинской области варьируется от 8,8 тыс. чел. (Миньяр) до 413,3 тыс. чел. (Магнитогорск), соответственно, они имеют разный статус: от малых до крупных городов. Используя группировку по численности населения моногородов, авторы сопоставили группы моногородов, сформированные по численности населения, с группами риска по социально-экономическому положению (табл. 3).

Данные, представленные в матрице, показывают, что, как правило, именно малые по численности города попадают в кризисную зону по социально-экономическому положению; так, из 16 МГ в эту группу попали 7. В группе «зона риска» оказались два малых и два больших города. Крупный город Магнитогорск находится в стабильной зоне. Три города – Трехгорный, Озерск, Снежинск (разные по численности населения), имеющие статус ЗАТО с особым режимом функционирования, – расположены в стабильной зоне. В связи с этим полагаем, что применительно к данному региону можно констатировать, что крупные города более устойчивы по социально-экономическому положению.

Далее было проведено позиционирование моногородов в координатах «статус городов по численности населения – качество городской среды». Отметим, что индекс качества городской среды используется как инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования, позволяющий

использовать результаты оценки для создания рекомендаций по улучшению среды⁶.

Интегральный индекс качества городской среды формируется на основе оценки шести типов городских пространств (максимальное значение индекса – 360 баллов). Полученная в результате комплексная оценка городской среды характеризует уровень комфортности проживания на соответствующей территории. При этом благоприятной средой считается состояние городской среды, когда количество набранных баллов составляет более 50 % от максимально возможного значения индекса города; неблагоприятной – когда количество баллов составляет менее 50 %.

В статье был использован интегральный индекс, характеризующий комплексную оценку городской среды моногородов региона за 2021 г. Зависимость качества городской среды от статуса моногородов по численности населения показана посредством позиционирования на рис. 2.

⁶ Индекс формируется Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. Результаты формирования Индекса используются в реализации положений Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», национального проекта «Жилье и городская среда», в том числе для определения размера субсидии из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды.

Т а б л и ц а 3

Матрица моногородов в координатах «статус моногорода по численности населения – социально-экономическое положение»

		Статус МГ по численности населения			
		Малые (до 50 тыс. чел.)	Средние (50–100 тыс. чел.)	Большие (100–250 тыс. чел.)	Крупные (250 тыс. – 1 млн. чел.)
Социально-экономическое положение	Стабильные	Трехгорный (32,6)	Озерск (78,1); Снежинск (51,9)		Магнитогорск (413,3)
	В зоне риска	Чебаркуль (41,5); Сатка (40,8); Сим (12,2)		Златоуст (162,1); Миасс (150,9)	
	Кризисные	Аша (28,7); Верхний Уфалей (26,4); Усть-Катав (21,6); Бакал (18,4); Нязепетровск (11,3); Карабаш (10,6); Миньяр (8,8)			

П р и м е ч а н и е. Составлено авторами на основе следующих данных: О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р (с изм. на 21.01.2020). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210942> (дата обращения: 01.03.2023); Индекс качества городской среды Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. URL: <https://xn---dtbccdtsyabxk.xn--p1ai/#/> (дата обращения: 01.03.2023).

Малые и средние по численности населения города позиционируются в неблагоприятном сегменте по качеству городской среды – восемь городов. Три города – Чебаркуль, Миасс, Сатка – имеют баллы в диапазоне от 190 до 200, что позволяет отнести их к благополучной городской среде. Более 200 баллов (наиболее благополучные МО) имеют: крупный город – Магнитогорск и

три территории ЗАТО с особым статусом. Отсюда следует вывод о том, что малые города имеют менее качественную городскую среду, в то время как крупные и большие города имеют, как правило, более высокое качество городской среды.

Вышеизложенное позволило выявить ограничения и возможности в развитии моногородов региона (табл. 4).

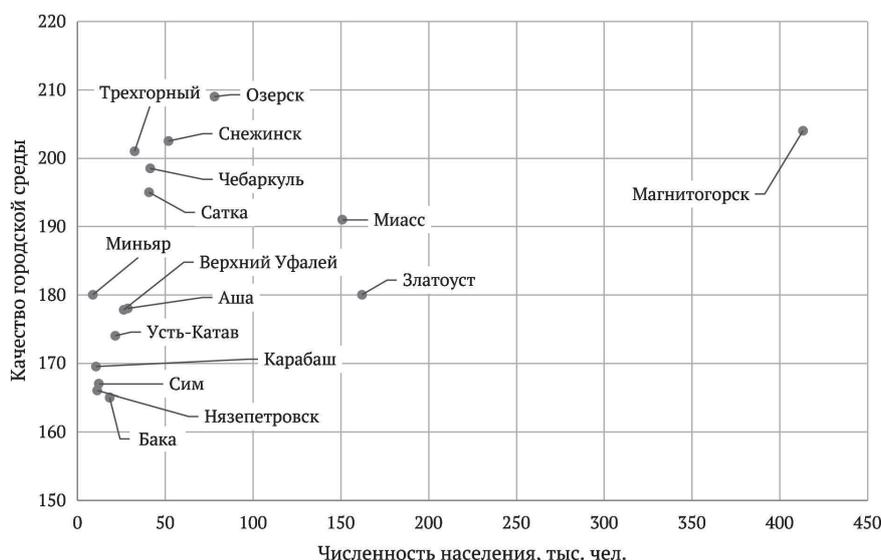

Рис. 2. Позиционирование моногородов в координатах «статус моногорода по численности населения – качество городской среды», 2021 г.

Т а б л и ц а 4

Возможности развития моногородов при достижении их полифункциональности [составлено авторами]

Направления развития	Возможности развития
Диверсификация производства (внутриотраслевая, продуктовая), межотраслевая	Расширение линейки продуктов ГОП. Расширение ассортимента продукции действующих предприятий. Освоение новых видов экономической деятельности (в том числе на основе межотраслевой кооперации) и сегментов рынка (социальные, досуговые, образовательные и другие услуги, развитие креативных отраслей и т. п.)
Развитие и поддержка МСБ	Развитие и поддержка предприятий МСБ (в том числе инновационной направленности), вывод их на конкурентоспособный уровень
Ориентация на новые сегменты и рынки (региональные, национальные, мировые), поиск новых рынков	Продвижение производимых на территории товаров на существующие и новые рынки, создание новых товаров в соответствии с запросами рынка, государства (например, гособоронзаказ)
Реализация потенциала ТОСЭР	Привлечение инвестиций на территорию, создание новых рабочих мест, пополнение налоговых доходов местного бюджета, реализация бизнесом социальных программ
Межмуниципальное взаимодействие в рамках агломераций	Развитие кооперационных связей, улучшение транспортной связанности, совместное использование производственной инфраструктуры
Расширение набора профессиональных компетенций трудоспособного населения	Реализация возможностей альтернативной занятости. Содействие приобретению работниками новых востребованных компетенций (например, создание образовательно-производственных кластеров по программе «Профессионалитет»)
Увеличение доходной части местных бюджетов и доходов населения	Формирование доходов населения, местного бюджета на основе эффективной деятельности ГОП, развитие и диверсификация бизнеса
Развитие социальной инфраструктуры	Обеспечение высоких социальных стандартов и доступности социальных услуг населению (ценовой, объектной, транспортной, цифровой)

Обсуждение результатов

Исследование данной тематики показало, что по многим вопросам изучения моногородов среди ученых и специалистов сложился определенный консенсус, то есть похожее понимание проблем монопрофильных муниципальных образований. Это касается таких аспектов, как периоды и этапы эволюционного развития моногородов (советский и постсоветский периоды, современный этап развития МГ); критерии отнесения муниципальных образований к монопрофильным; взаимодействие монопрофильных муниципальных образований с градообразующим предприятием.

По вопросам теоретического характера, уточнения используемых категорий есть разные позиции, что было рассмотрено выше. При этом близкие по содержанию понятия, связанные с исследованием моногородов, ученые определяют по-разному в зависимости от контекста и целей исследования, что вполне обоснованно.

Отдельно следует остановиться на понятии монофункциональности моногородов. В научной литературе, как правило, этот вопрос рассматривается с позиций ограниченных функций моногородов, которые они выполняют в основном в производственной сфере (Тургель, 2010). Исследователи отмечают, что монофункциональный город (территория) характеризуется ограниченным числом внешних городских функций, низкой диверсификацией экономики. При этом монофункциональный город ориентируется на одну отрасль хозяйства или деятельности. Некоторые города обслуживают только одно предприятие.

Авторы статьи считают, что ограниченность функциональности моногородов несет в себе риски в производственной сфере, на локальном рынке труда и социальные риски. В социальной сфере это связано с ограничением набора и доступности социальных услуг для населения. В этом контексте необходима смена парадигмы развития моногорода от модели «город-завод» (с ограниченным функционалом моногородов) к модели «город для человека» (с расширенным набором функций, прежде всего социальных).

Новизна исследования. Теоретическая значимость исследования состоит в расширении теории региональной экономики в части моделей развития моногородов регионов. Предложенный подход позволит в методологическом аспекте дополнить и уточнить функционал моногородов на основе концепта полифунк-

циональности муниципального образования. На основе этого концепта происходит смена парадигмы развития моногорода от модели «город-завод» (с ограниченным функционалом моногородов) к модели «город для человека» (с расширенным набором функций, прежде всего социальных).

Практическая значимость. Результаты исследования в прикладном аспекте акцентируют внимание на необходимости согласованных действий основных стейкхолдеров МО в отношении жизнедеятельности моногородов; поиска адекватных и эффективных механизмов и инструментов управления развитием МО на основе достижения их полифункциональности.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Тематика, связанная с моногородами, остается в настоящее время актуальной и достаточно активно разрабатывается отечественными учеными.

2. Было показано, что эволюция моногородов сопровождалась трансформацией их производственных и социальных функций: утратой одних, сохранением других, возникновением третьих.

3. Было выявлено, что ограниченные функции моногородов в современных условиях сопряжены со значительными рисками: в производственной сфере (зависимость от деятельности градообразующего предприятия, низкая диверсификация муниципальной экономики); на локальном рынке труда (зависимость от монопрофильности рынка труда, трудности с альтернативной занятостью); в социальной сфере (ограниченность объектов и набора социальных услуг населению).

4. Позиционирование моногородов по численности населения (крупные, большие, малые) и социально-экономической ситуации, складывающейся в них, а также по качеству городской среды показало, что крупные и большие города обладают большим функционалом по предоставлению и доступности услуг социальной сферы, созданию комфортной городской среды.

5. В статье проанализированы особенности и риски функционирования монофункциональных городов, показаны возможности их развития при достижении полифункциональности. Использование концепта расширения

функциональности моногородов лежит в основе трансформации парадигмы развития от модели «город-завод» к модели «город для человека». В такой ситуации происходит усиление социального вектора развития, более эффективно решаются социальные проблемы, вызванные монопрофильностью, обеспечиваются более высокие стандарты качества жизни населения на территории МО.

Список литературы

1. Анимица, Е. Г., Бочко, В. С., Пешина, Э. В., Анимица, П. Е. (2010). *Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города*. Изд-во УрГЭУ. [Animitsa, E. G., Bochko, V. S., Peshina, E. V., Animitsa, P. E. (2010). *Conceptual approaches to the development of a strategy for the development of a single-industry city*. Publishing House USUE. (In Russian).]
2. Антипин, И. А., Власова, Н. Ю. (2022). Оценка стратегического планирования в муниципальных образованиях: методические, практические и управленческие аспекты. *Управленец*, 5, 67–81. [Antipin, I. A., Vlasova, N. Yu. (2022). Evaluation of strategic planning in municipalities: methodological, practical and managerial aspects. *Manager*, 5, 67–81. (In Russian).]
3. Артемова, О. В., Ужегов, А. О. (2021). Перспективы развития моногородов в региональном пространстве Российской Федерации. *Вестник ЧелГУ*, 10(456), 39–50. [Artemova, O. V., Uzhegov, A. O. (2021). Prospects for the development of single-industry towns in the regional space of the Russian Federation. *Bulletin of ChelGU*, 10(456), 39–50. (In Russian).]
4. Бартош, А. А., Малышев, Е. А. (2017). Монопрофильное муниципальное образование как особая категория научного исследования. *Вестник ЗабГУ*, 5, 107–114. [Bartosh, A. A., Malyshev, E. A. (2017). Monoprofile municipal formation as a special category of scientific research. *Bulletin of ZabGU*, 5, 107–114. (In Russian).]
5. Бочко, В. С., Захарчук, Е. А. (2020). Индивидуализация стратегий развития городов (на примере Екатеринбурга и Бирмингема). *Экономика региона*, 2, 391–405. [Bochko, V. S., Zakharchuk, E. A. (2020). Individualization of urban development strategies (on the example of Yekaterinburg and Birmingham). *Economics of the Region*, 2, 391–405. (In Russian).]
6. Гранберг, А. Г. (2001). *Основы региональной экономики*. М.: ГУ ВШЭ. [Granberg, A. G. (2001). *Fundamentals of regional economy*. Moscow: State University Higher School of Economics. (In Russian).]
7. Зубаревич, Н. В. (2010). Точка на карте. *Прямые инвестиции*, 3, 8–12. [Zubarevich, N. V. (2010). A point on the map. *Direct Investments*, 3, 8–12. (In Russian).]

Источник финансирования

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2023 г.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

8. Ильина, И. Н. (Ed.). (2013). *Развитие моногородов России: монография*. М.: Финансовый университет. [Ilyina, I. N. (Ed.). (2013). *Development of single-industry towns in Russia: monograph*. Moscow: Financial University. (In Russian).]

9. Колесникова, А. И., Антонова, Г. Д., Иванова, О. П. (2007). *Развитие моногородов и социальная ответственность предприятий*. М.: Наука. [Kolesnikova, A. I., Antonova, G. D., Ivanova, O. P. (2007). *Development of single-industry towns and social responsibility of enterprises*. М.: Science. (In Russian).]

10. Кулай, С. В. (2019). Монопрофильное муниципальное образование (моногород): особенности российского и зарубежного понятийного аппарата. *Вестник НГУЭУ*, 1, 262–274. [Kulay, S. V. (2019). Monoprofile municipal formation (single town): features of the Russian and foreign conceptual apparatus. *Bulletin of NSUEU*, 1, 262–274. (In Russian).]

11. Кутергина, Г. В., Лапин, А. В. (2015). Управление развитием моногородов: отечественные и зарубежные подходы к моделированию. *Вестник ПГУ. Серия: Экономика*, 3(26), 69–77. [Kutergina, G. V., Lapin, A. V. (2015). Managing the development of single-industry towns: domestic and foreign approaches to modeling. *Bulletin of PSU. Series: Economics*, 3(26), 69–77. (In Russian).]

12. Лаппо, Г. М., Полян, П. М. (1998). Закрытые города. *Социологические исследования*, 2. [Lappo, G. M., Polyan, P. M. (1998). Closed cities. *Sociological Research*, 2. (In Russian).]

13. Липсица, И. В. (Ed.). (2000). *Монопрофильные города и градообразующие предприятия: база данных о градообразующих предприятиях и моногородах России*. М.: Хроникер. [Lipsica, I. V. (Ed.). (2000). *Monoprofile cities and city-forming enterprises: a database of city-forming enterprises and monotowns in Russia*. Moscow: Chronicle Publishing House. (In Russian).]

14. Лукишин, А. В., Ягин, Е. В. (2018). Управление развитием экономики моногорода. *Экономика и предпринимательство*, 4(98), 352–354. [Lukishin, A. V., Yagin, E. V. (2018). Managing the development of the economy of a single-industry city. *Economics and Entrepreneurship*, 4(98), 352–354. (In Russian).]

15. Манаева, И. В. (2018). Города России: классификация и типология. *Региональная экономика*:

теория и практика, 16(7), 1235–1249. [Manaeva, I. V. (2018). Cities of Russia: classification and typology. *Regional Economics: Theory and Practice*, 16(7), 1235–1249. (In Russian).]

16. Оруч, Т. А. (2017). Особенности управления социально-экономическим развитием моногорода. *Теоретико-методологические и практические проблемы интеграции, диверсификации и модернизации региональных промышленных комплексов: сборник материалов Международной научно-практической конференции*, 140–146. Издательство СНЦ. [Oruch, T. A. (2017). Features of managing the socio-economic development of a single-industry town. *Theoretical, methodological and practical problems of integration, diversification and modernization of regional industrial complexes: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference*, 140–146. Publishing House of the SNC. (In Russian).]

17. Плисецкий, Е. Е., Малицкая, Е. А. (2017). Специфика государственного и муниципального управления развитием монопрофильных муниципальных образований в Арктической зоне Российской Федерации. *Арктика и Север*, 26, 85–97. [Plisetsky, E. E., Malitskaya, E. A. (2017). The specifics of state and municipal management of the development of mono-profile municipalities in the Arctic zone of the Russian Federation. *Arctic and North*, 26, 85–97. (In Russian).]

18. Растворцева, С. Н., Манаева, И. В. (2022). Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 1, 110–127. [Rastvortseva, S. N., Manaeva, I. V. (2022). Trends and factors of modern development of small and medium-sized cities. *Economic and Social Change: Facts, Trends, Forecast*, 1, 110–127. (In Russian).]

19. Троянская, М. А., Тюрина, Ю. Г. (2019). Управление моногородом: содержание и характеристика. *АНИ: Экономика и управление*, 3(28), 372–374. [Troyanskaya, M. A., Tyurina, Yu. G. (2019). Monocity management: content and characteristics. *API: Economics and Management*, 3(28), 372–374. (In Russian).]

20. Тургель, И. Д. (2010). *Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию*. Уральская академия государственной службы. [Turgel, I. D. (2010). *Monofunctional cities of Russia: from survival to sustainable development*. Ural Academy State Services. (In Russian).]

21. Ускова, Т. В., Иогман, Л. Г., Ткачук, С. Н., Нестеров, А. Н., Литвинова, Н. Ю. (2012). *Моногород: управление развитием*. ИСЭРТ РАН. [Uskova, T. V., Iogman, L. G., Tkachuk, S. N., Nesterov, A. N., Litvinova, N. Yu. (2012). *Monotown: development management*. ISERT RAS. (In Russian).]

22. Фомин, М. В., Безвербный, В. А., Шушпанова, И. С., Микрюков, Н. Ю., Лукашенко, Е. А., Мирязов, Т. Р. (2020). Моногорода Сибири и Дальнего Востока России: потенциал и перспективы развития. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 1, 137–165. [Fomin, M. V., Bezverbny, V. A., Shushpanova, I. S., Mikryukov, N. Yu., Lukashenko, E. A., Miryazov, T. R. (2020). Single-industry towns in Siberia and the Russian Far East: potential and development prospects. *Issues of State and Municipal Administration*, 1, 137–165. (In Russian).]

23. Floyd, C. F., Allen, M. T. (2002). *Real Estate Principles*. Dearborn Real Estate.

24. Leadbeater, D. (2004). Mining towns and the new hinterland crisis. *Canadian Dimension*, 38(5), 41–44.

25. Rabenold-Finsel, R. (2004). *Carbon County*. South Carolina : Arcadia Publishing.

Артемова Ольга Васильевна, д-р экон. наук, профессор Челябинского филиала Института экономики, Уральское отделение Российской академии наук, Челябинск, Российская Федерация

E-mail: artemova.ov@uiec.ru

ORCID ID: 0000-0003-4021-9739

Логачева Наталья Модестовна, д-р экон. наук, доцент Челябинского филиала Института экономики, Уральское отделение Российской академии наук, Челябинск, Российская Федерация

E-mail: logacheva.nm@uiec.ru

ORCID ID: 0000-0001-7008-0446

Поступила в редакцию 29.03.2023

Подписана в печать 25.05.2023

Regional Economics

Original article

UDC 332.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2023.3/11390>

JEL: R10

The vector of the development of territories under the conditions of the new reality (using single-industry towns in the Chelyabinsk Region as an example)

O. V. Artemova^{1✉}, N. M. Logacheva²

^{1,2}Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 155/1 Svobody str., Chelyabinsk, 454091, Russian Federation

Subject. The article is focused on the processes which accompany the transformation of the model of a monofunctional municipality (whose main feature is industry monospecialisation) into a multifunctional municipality both in relation to its production specialisation and in relation to its non-production and social spheres. According to the authors, this concept determines the change of the paradigm of a single-industry town's development from the model of "town for a factory" (with the limited functionality characteristic of single-industry towns) to the model of "town for the people" (with an expanded set of functions, most particularly social functions).

The purpose of the study is to identify new opportunities and prospects for the development of single-industry towns using the multifunctional model for the functioning of regional single-industry municipalities.

Methodology. To identify the main problems to focus on, the authors analysed scientific resources dedicated to the topic. As a result, emphasis was placed on the analysis of the peculiarities and risks related to the functioning of single-industry towns due to their limited functions (in the production and social spheres and in the local labour market). For this, single-industry towns were classified into several groups: by population (small towns, towns, cities, large cities); by socio-economic situation (in crisis, at risk, stable); by the type of the backbone enterprise; and by the quality of the urban environment. The goal of the classification was to determine the socio-economic situation in single-industry towns in the Chelyabinsk Region and to perform a comparative analysis. Single-industry towns were positioned within the following coordinates: "the status of towns by population – their socio-economic status"; "the status of towns by population – the quality of the urban environment".

Conclusions. Based on the analysis of the socio-economic situation in single-industry towns in the Chelyabinsk Region, the authors concluded that single-industry towns in the region have different levels of socio-economic development. This is due to their different economic potential, socio-economic situation (stable, at risk, in crisis), the status of the towns in terms of population, and other factors. We believe that the new approach (using the concept of functionality) will allow us, in terms of the methodology, to update and redefine the functions of single-industry towns and to develop a vision for the future town; and in terms of management, to use the development opportunities of single-industry towns by achieving their multifunctionality.

Key words: single-industry town, municipality, backbone enterprise, industry specialisation, monospecialisation, monofunctionality, multifunctionality.

For citation: Artemova, O. V., Logacheva, N. M. (2023). The vector of the development of territories under the conditions of the new reality (using single-industry towns in the Chelyabinsk Region as an example). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. (3), 46–62. DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2023.3/11390>

Funding

The article was prepared in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2023.

Conflict of Interest

The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Olga V. Artemova, Dr. Sci. (Econ.), Full Prof., Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: artemova.ov@uiec.ru
ORCID ID: 0000-0003-4021-9739

Natalia M. Logacheva, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russian Federation

E-mail: logacheva.nm@uiec.ru
ORCID ID: 0000-0001-7008-0446

Received 29.03.2023

Accepted 25.05.2023